

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – XVIII**

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

**INDO-EUROPEAN LINGUISTICS
AND CLASSICAL PHILOLOGY – XVIII**

Proceedings of the 18th Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

23–25 июня 2014 г. – June 23–25, 2014

Санкт-Петербург
Наука
2014

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XVIII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. – 980 с.

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY-XVIII (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 23–25 June, 2014 / edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Nauka, 2014. – 980 p.

ISSN 2306-9015 Indoeuropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISBN 978-502-038228-2

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
Prof. Dr. G. Blažienė (Vilnius), Prof. Dr. V. Blažek (Brno),
к. филол. н. Н. А. Бондарко, д. филол. н. А. В. Грошева,
Prof. Dr. H. Eichner (Wien), к. филол. н. П. А. Кочаров,
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (отв. секретарь),
Prof. Dr. D. Petit (Paris), к. филол. н. А. В. Шацков

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при поддержке программы целевых расходов Президиума РАН
«Поддержка молодых ученых»
и при поддержке РГНФ – грант № 14-04-14005г

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РГНФ – грант № 13-04-00023а (рук. Н. Н. Казанский)
и гранта № НШ-2417.2014.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Н. Н. Казанский)

ISSN 2306-9015 © Коллектив авторов, 2014
ISBN 978-502-038228-2 © ИЛИ РАН, 2014
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2014

П. Е. Бухаркин

РИТОРИКА М. В. ЛОМОНОСОВА И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

В статье рассматриваются восточноевропейские риторические трактаты XVII – начала XIX веков. Основное внимание уделяется Риторике М. В. Ломоносова и ее роли в смене языкового кода классической литературной традиции в России.

Ключевые слова: Ломоносов, риторика, классическая традиция, трактат, античная литература, латынь, церковнославянский язык, русский язык.

1

Риторика Ломоносова, т. е. его интерпретация классической риторической теории, представлена прежде всего трактатом «Краткое руководство к красноречию» (1748). Сочинение это важно многими сторонами: теоретической (решением риторических проблем – и не только риторических, но и филологических, например грамматических); языковой (в широком смысле – местом в процессах осуществляемого его автором формирования нового литературного языка, в более узком – заключенном в нем материале, позволяющем поставить вопрос о разных типах стилистической дифференциации в этом еще только возникающем языке, в еще более конкретном – ролью в создании русской научной терминологии); наконец – непосредственно литературной. Среди ряда проблем, возникающих при рассмотрении «Краткого руководства к красноречию...» в последнем, литературном, аспекте, весьма продуктивной своей научной значимостью является осуществленная в нем переориентация литературного сознания с одного языкового воплощения классической литературной традиции на другое.

При всей расплывчатости и даже неопределенности собственного содержательного ядра (что во многом связано с крайней

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-04-0109а «Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова (лингвистический и историко-культурный аспекты)».

В работе над 4-й и 5-й разделами большую помощь мне оказал К. Н. Лемешев, поделившийся со мной своими материалами и наблюдениями. Приношу ему самую искреннюю благодарность.

многозначностью исходного для нее понятия классики) классическая традиция все же (и со множеством оговорок) может быть определена как некая совокупность безусловно и безоговорочно образцовых текстов, заключающих в себе абсолютно совершенную степень мимесиса. Именно абсолютно совершенную; им – этим абсолютным совершенством – и обуславливается (воспользуясь словом Ф. А. Степуна, слегка грамматически измененным) «тайное предчувствие того, что *мир искусства выше мира жизни*» (Степун 1998: 84), предчувствие, позволяющее опознать произведение как относящееся к классической традиции. Классика потому и классика, что являет человеку «подлинную жизнь», показывая, что «действительная же жизнь – лишь бледная подмалевка. <...> То, что в жизни мелькает лишь бледной тенью, становится в искусстве незыблемым кряжем первозданных пород» (Степун 1998: 84)². Поэтому классическое искусство и остается ориентиром для все новых и новых творческих усилий. До тех пор, пока не происходит «релятивизация» абсолютного идеала, как определил в 1923–24 годах данное событие Л. В. Пумпянский; с этого момента классическая традиция, не уходя из литературного сознания, переносится в область прошлого (см.: Пумпянский 2000: 30–31).

В западном мире, начиная с раннего Средневековья, классическая традиция была неотделима от памяти об античной словесности; «отношение к античности есть душа такой (т. е. классической. – П. Б.) литературы» (Пумпянский 2000: 30). Это в равной степени относится как к Средневековью, так и к гуманизму / постгуманизму, хотя выражалась такая ориентация на античность по-разному в Средние века и начиная с Ренессанса; Ренессанс в предельно существенной мере изменил, так сказать, феноменологию рецепции античности, не затронув, однако, самого принципа: литературные (и, как показал Э. Панофски (1998: 42–100), не одни литературные) образцы как в Средневековье, так и после него (до самого конца классической эпохи, т. е. до XVIII века) соотносились с античностью. Среди других, подтверждающих данное положение и культурно релевантных фактов можно указать на отмеченную С. С. Аверинцевым замкнутость средневековой риторики на античном материале; Аверинцев, продемонстрировав это на византийских примерах, пришел к следующему выводу: «чтобы описывать,

² В тексте Степуна последовательность предложений несколько иная.

анализировать и оценивать произведение, византийская риторическая теория должна была для начала найти для него место в одной из рубрик заимствованной у античности формально-жанровой номенклатуры» (Аверинцев 1996: 248). Заключение это возможно – естественно, с рядом уточнений и пояснений – перенести и на западнохристианскую риторическую теорию; во всяком случае, материал, приведенный Э.-Р. Курциусом в 14-м разделе («Классика») его знаменитой книги «Европейская литература и латинское Средневековье» (Курциус 2007: 274–299) скорее подтверждает возможности подобного переноса, нежели отвергает его. Применительно же к Ренессансу и постренессансному искусству положение об их ориентации на античность едва ли нуждается в особых подтверждениях.

2

Иначе обстояло дело в *Rex Slavia Orthodoxa*³; в восточнославянской средневековой книжности для классической традиции места почти не находилось. Два обстоятельства, прежде всего, делали ее несущественной. Во-первых, малая осведомленность восточных славян в античном наследии; даже не одна малая осведомленность, но, главное, едва ли не полное отсутствие к нему интереса. Конечно, отдельные имена и факты античного словесного искусства, некоторые восходящие туда литературные стратегии в литературу XI–XVI веков проникали; более того, в отдельные периоды происходила их своеобразная концентрация. Однако в целом античные авторы совершенно не занимали в ней позиции, даже приблизительно похожей на принадлежащую им в западной литературе, или, совсем в ином воплощении, в византийской (см.: Буланин 1991; Кнабе 1999). Во-вторых, крайне не развитая рефлексия о словесном творчестве. Древнерусский книжник, естественно, мог задумываться (и задумывался) над отношением создаваемого им сочинения к произведениям других авторов. Но его размышления носили, обычно, частный, так сказать, случайный, характер, касались его ориентации на какой-либо конкретный предшествующий текст (или, напротив, отталкивания от него), или ограничивались размышлениями над особенностями одного жанра. Кроме того, они имели, если так можно выразиться, не вполне рационализиро-

³ Содержание данного понятия понимается мною в духе работ Р. Пиккио (см.: Пиккио 2003).

ванной и никак не систематизированный характер; обычно все ограничивалось отдельными замечаниями по отдельному же поводу. О литературной традиции как таковой средневековый восточнославянский литератор не думал; он о ней попросту не знал.

Два этих фактора (в соединении с другими причинами, о которых сейчас можно умолчать) и определили отсутствие в древнерусской литературе классической традиции – как некой совокупности образцовых авторов, причем образцовых именно как авторов, чья образцовость не совпадает с образцовостью жанровой, а находясь в несколько иной плоскости, не противоречит жанровым парадигмам, но дополняет их⁴. Представление о ней (т. е. о классической традиции) появляется у восточных славян только тогда, когда исчезают отмеченные выше обстоятельства (игнорирование античной культуры и слабо выраженная рефлексия) – если и не исчезают вполне, то, во всяком случае, утрачивают прежнюю свою влияние. Это происходит в первой половине XVII столетия и связано с приобщением восточных славян к европейской риторической традиции⁵. Появление риторических трактатов неизбежно повлекло за собою рождение понятия о классической традиции.

Как известно, восточнославянские риторические трактаты создавались – сначала на Западной Руси, затем и в московском культурном пространстве, куда они относительно быстро были перенесены с Украины и Белоруссии – преимущественно на двух языках: латинском и церковнославянском (тексты на греческом языке составляли единичные исключения, как, например, риторика Иоанникия и Софрония Лихудов). В обоих языковых вариантах с обязательностью должны были присутствовать образцовые авторы и такие же образцовые примеры, иллюстрирующие те или иные риторические позиции. Примеры были необходимы в особой степени: риторический трактат по своей природе предполагал включение их в себя. Отвлеченные рассуждения, для того чтобы быть усвоенными, а затем использоваться как продуцирующие модели в личной речевой

⁴ На соединение (не лишенное некоторой диалектичности) двух принципов – жанрового и авторского (т. е. индивидуального) – в пределах классической традиции указывал Э.-Р. Курциус (Курціус 2007: 275).

⁵ Вопрос о степени осведомленности средневековой восточнославянской книжности в античной риторике весьма дискуссионен. Я исхожу из того понимания данной проблемы, которая представлена в работе Д. М. Буланина (Буланин 1991).

деятельности, нуждались в избыточном разъяснении, которое и предоставляли литературные иллюстрации. Риторический трактат учил построению правильных текстов двояким способом: с помощью правил, экспликация которых составляла, так сказать, «теоретическую» часть трактата, и с помощью образцов, заимствованных (в виде фрагментов разного объема) у наиболее авторитетных авторов. Кроме того, примеры, призванные быть предметом сознательного подражания в собственном словесном творчестве, демонстрировали, так сказать, сущность образцовости: они позволяли понять, почему тот либо другой автор оказывался причисленным к классикам, какие черты текста делают его сочинение классическим. С некоторой натяжкой, но можно сказать, что именно иллюстрации риторических правил проясняли (разумеется, весьма относительно) понятие классической традиции, позволяя судить об основаниях включения в нее того или другого автора.

Все это должно было быть. Но в какой степени и, главное, с какой мерой убедительности подобное долженствование реализовывалось в обоих языковых типах восточнославянских риторических сочинений?

3

Латиноязычные восточнославянские риторики всем требованиям соответствовали если и не полностью, то, несомненно, во вполне удовлетворительной степени⁶. Их читатели, а вернее, слушатели курсов, письменным вариантом которых данные трактаты в абсолютном своем большинстве и являлись, по существу впервые в *Pax Slavia Orthodoxa* начинали осознавать границы и содержание классической традиции, более того, понимать, что она из себя представляет. Неизвестное доселе античное литературное наследие в виде литературных иллюстраций риторических сочинений стало проникать в культурное сознание интеллектуалов. Причем язык риторических трактатов, о которых сейчас идет речь, – латынь – приводил к тому, что с классической традицией начинали, так или иначе, соотноситься едва ли не все авторы, отрывки из произведений которых в них содержались: не только античные писатели в собственном смысле и прямо их продолжавшие новолатинские сочинители,

⁶ Их описание и характеристику некоторых сторон латиноязычных трактатов см.: Маслюк 1983; Сивокін 2001.

но и книги Священного Писания, восточные Отцы Церкви (писавшие по-гречески, но тут представленные, естественно, в латинских переводах), а также фрагменты, специально написанные авторами трактатов для подтверждения теоретических формулировок. Все эти тексты (а иллюстративные примеры обычно обладали, особенно если были относительно развернутыми, как смысловой, так и речевой целостностью и поему имеют все основания быть определены как тексты) существенно отличались друг от друга и временем создания, и теми конкретными литературными традициями, которые они в себе несли, и духовно-интеллектуальным смыслом, но, тем не менее, они воспринимались (и составителем и читателями) как явления одного порядка. Недаром они приводились, так сказать, в общем ряду. Достаточно выразительный пример этого дает раздел 8 («О языковых фигурах, способствующих красноречию») четвертой книги («О языковом и стилистическом оформлении») курса Феофана Прокоповича «De arte rhetorica...» (1706–1707). Рассматривая в нем фигуры речи, Феофан, в качестве наглядных разъяснений к фигуре, названной им «характеристика», упоминает «Характеры» Феофраста, приводит два отрывка из Цицерона (из речей «Против Пизона» и «В защиту Сестия»), один – из Св. Григория Назианзина («Против Юлиана-отступника»), а затем – свой собственный опыт, представляющий инвективу на католических монахов, причем он явно ориентируется на только что приведенные им речи Цицерона, на что указывает сам в завершении отрицательной своей характеристики⁷.

Подобного рода подход позволял представить классическую традицию в виде необходимого эпохе синтеза трех различных начал: античной литературы, с которой и связывалась классика в западном литературном сознании, православной традиции, необходимой восточным славянам в качестве единственной носительницы духовного авторитета и злободневной современности. Тем самым эта традиция становилась как бы стержнем словесной культуры; в ее пределах оказывалось возможным решение основных стоящих перед нею задач и, одновременно с этим, она обеспечивала созданным в ее рамках произведениям высокий статус, безусловный и неоспоримый. Причем главным

⁷ См. о месте античных авторов в риториках и поэтиках XVII – начале XVIII веков: Трофимук 2013: 166–192.

и основным критерием, определяющим принадлежность к классической традиции, был язык – латынь.

Такое решение проблемы имело множество достоинств, однако сопровождалось и недостатком, притом грандиозным: классическая традиция оказалась оторванной от словесного творчества на родном языке. Ситуация во многом напоминала ту, что сложилась в Западном Средневековье, но с рядом существеннейших отличий. Во-первых, восточнославянская культура XVII – начала XVIII веков, при всей активности процессов европеизации западных (украинских и белорусских) земель, не была пропитана латинской образованностью в такой степени, как средневековая Европа. Античная литература – даже не она сама, а та ее христианизированная мутация, которую она претерпела еще в поздней античности – ни в коей мере не была там культурным фундаментом; ее знал, ценил и развивал в неолатинском ее варианте лишь тонкий слой ценителей-интеллектуалов. Во-вторых, для восточных славян латинский язык был языком образованности; языком веры – своей веры – он не был. В Западной Европе до XVI века ситуация была другой: латынь была одновременно и языком религии, и языком культуры, и языком прошлого; в католическом мире она ничего не разъединяла, а лишь соединяла. В северо-восточной части *Rex Slavia Orthodoxa* (т. е. в русской – в широком смысле – его составляющей) положение было совершенно противоположным: латинский язык именно разъединял, он представлял собою иное начало, нежели своя культура и собственное прошлое – начало польское и католическое. Здесь стоит вспомнить крайне настороженное (выражаясь предельно мягко) отношение к набирающей силу латинизации словесности со стороны Ивана Вишенского (см.: Грабович 1997: 260–277), и не его одного. Позиция Ивана Вишенского в данном случае находит некоторую параллель в деятельности просвещенных магнатов – защитников православия в конце XVI века, в первую голову – кн. В.-К. Острожского (см.: Яковенко 2006: 201–213). И хотя итогом этой настороженности было как раз активное распространение латыни в Украине XVII столетия, что особенно заметно в образовательной политике того же В.-К. Острожского, латинский

язык все же оставался языком *не своей культуры*. Даже для украинцев и белорусов; тем более это относится к Москве⁸.

4

Подобного рода проблем риторики на церковнославянском языке, естественно, не знали. В них язык выполняет роль кода, обеспечивающего идентификацию вводимой его посредством новой культурной информации как соответствующей национальным основам. Риторика, тем самым, не отторгалась, а, напротив, принималась; противоречий между усвояемой риторикой и национальной традицией не возникало. Вернее, подобные противоречия имели место, но скорее как случаи частного, индивидуального отвержения нового, незнакомого, а не как принципиальная реакция культурного сознания. Особенно здесь показателен пример старообрядцев. Крайне резкие выпады протопопа Аввакума соседствуют с внимательным отношением к риторике выговских литераторов, результатом чего стало появление ряда старообрядческих риторических трактатов (см.: Поньрко 1981: 154–162; Вомперский 1988; Аннушкин 2003). А раскольники были агрессивными защитниками старого; тем более открытой к риторике была менее фундаменталистская часть московских книжников, та, что приняла реформы Никона.

Однако, снимая своей языковой формой (т. е. церковнославянским языком) напряжение между старым и новым подходами к слову⁹, церковнославянские риторические трактаты пасовали перед трудностями кооптирования русской культурой классической традиции. Сами они с ней были неразрывно связаны и даже в некотором роде ее представляли. Есть все основания предполагать, что все восточнославянские риторики на церковнославянском языке восходят к тем или иным западным источникам, нередко – к нескольким сразу. В одних случаях эти источники известны; так, первая восточнославянская риторика,

⁸ Общую культурную ситуацию применительно к Украине см.: Ісіченко 2011. О новолатинской поэзии у восточных славян см.: Либуркин 2000. См. также: Живов, Успенский 2002: 461–531.

⁹ Вопрос о принципиальном изменении отношения к слову и словесному творчеству, произошедшем в результате усвоения восточными славянами риторики, рассматривался, в частности, А. М. Панченко и Р. Лахманн. См.: Панченко 1973; Лахманн 2001.

так называемая Риторика Макария или Риторика 1620 года¹⁰, восходит к «Риторике» Ф. Меланхтона в ее сокращенном варианте, выполненном Л. Лоссием (Аннушкин 2006). В других – оригинал еще не установлен, хотя переводной характер трактата вряд ли вызывает сомнения, например «Риторика» М. Усачева (1699)¹¹. Но сами собою являя классическую литературную традицию, трансформированную формой риторического трактата (как раз и являющегося одним из основных хранителей этой традиции), церковнославянские риторикис этим и ограничивались. Перечень классических авторов в них был, как правило, крайне невелик, а иллюстративные примеры кратки и нередко анонимны. В ряде случаев их авторы, скорее всего опиравшиеся на латинский текст, существенно его сокращали. Примером здесь может послужить уже упоминавшаяся старообрядческая «Риторика в 5-ти беседах» (1706–1712). В. И. Аннушкин высказал предположение о зависимости некоторых ее частей, в том числе раздела о «внутренних местах» «Беседы III. О изобретении» от «De arte rhetorica...» Феофана Прокоповича (2-я глава II книги «Про подбор доказательств и про амплификацию»). Сравнение этих фрагментов сразу же наглядно показывает предельный лаконизм церковнославянского текста и полное отсутствие там примеров и даже упоминаний классических авторов. В старообрядческой риторике «внутренние места» просто перечисляются, тогда как Феофан не только дает им характеристики, но и снабжает их отсылками к классическим авторитетам (например, к Цицерону) и примерами из классических же авторов (того же Цицерона и Овидия).

Безусловно, старообрядческий трактат не является здесь безукоризненным примером, выговская «Риторика» «проникнута идеологией старообрядчества, в ней отсутствуют светские примеры <...>» (Аннушкин 2003: 195); другие церковнославянские риторикис, в частности «Риторика» М. Усачева, в несколько большей мере открыты светской культуре¹². Однако в

¹⁰ См.: Вомперский 1988: 12–21; Аннушкин, Буланина 1993: 317–321. См. также комментированные издания: Die Makarij; Аннушкин 2006.

¹¹ См. о ней: Вомперский 1988: 70–72; Аннушкин 2003: 101–116. В настоящее время изучением данного текста занимается К. Н. Лемешев.

¹² Впрочем, не следует преувеличивать ориентацию на античные примеры и риторического трактата Усачева. К. Н. Лемешев, специально рассмотревший источник примеров в разделе «О схиматах», т. е. о риторических фигурах, пришел к заключению, что основным иллюстративным материалом в каждой статье являются тексты

целом и в них классическая традиция, с достаточной степенью полноты представленная в латиноязычных риториках, была почти не выражена. Одной из причин этого была трудность ее стилистического воплощения средствами церковнославянского языка. В данном отношении весьма показательна «Риторика» М. Усачева. В этом аспекте ее проанализировал К. Н. Лемешев, любезно разрешивший воспользоваться его наблюдениями¹³. В целом ряде случаев при описании фигур речи (раздел «О схиматах») Усачев приводит цитаты из наиболее известных римских риторик – из Цицерона, из Квинтилиана, из «Риторики к Гереннию»¹⁴, цитаты, в большинстве своем демонстрирующие трудности разного порядка, которые возникали перед переводчиком и которые он, по различным причинам не преодолел. Так, для иллюстрации фигуры «антистрофа» (в рукописи – «антистрофи»), которая состоит в конечном повторе слова или словосочетания в последовательности, состоящей из нескольких синтагм, у него приведен такой текст: «Римляне пенов правдою победиша, оружием победиша, щедростию победиша»¹⁵ (л. 127 об.). Это – перевод примера из «Риторики к Гереннию», в которой он иллюстрирует ту же фигуру (ее латинское наименование в «Риторике к Гереннию» – *conversio*): «*Poenos populus Romanus institia vicit, armis vicit, liberalitate vicit*» (Rhet. Her. IV.XIII.19). Невнятность церковнославянского примера здесь обусловлена незнанием исторических реалий, а точнее, отсутствием соответствующих эквивалентов в русской культуре: читателям начала XVIII столетия, не осведомленным об источнике данной фразы, трудно (чтобы не сказать – невозможно) было догадаться о тех, кто Усачевым был обозначен как «пены».

Священного Писания: Евангелий, Псалтири, некоторых ветхозаветных текстов. Ситуация, мало отличная от старообрядческой риторики.

¹³ Следующий ниже текст о риторике Усачева написан в соавторстве с К. Н. Лемешевым.

¹⁴ Можно с почти полной вероятностью утверждать, что Усачев позаимствовал данные примеры из того (пока еще не установленного) риторического сочинения, которое послужило основным источником его труда; обращение его непосредственно к указанным источникам невозможно и по причине крайней скудости сведений о них в России того времени, и потому, что противоречит обычной практике написания классических риторических трактатов.

¹⁵ Цитируемый список «Риторики» Усачева хранится в Государственном историческом музее (Москва), в Шукинском собрании, № 803. Примеры из него приводятся в упрощенной орфографии, листы указываются после цитаты.

В других случаях «темнота» церковнославянского текста обусловлена тем, что переводчик запутался, переставляя компоненты фразы, в результате чего смысл если и не утрачивается вполне, то, во всяком случае, лишается афористической ясности, свойственной латинскому оригиналу. Это происходит, в частности, в описании фигуры «антиметабола», где Усачев использует известный афоризм, также восходящий к «Риторике к Гереннию», но более известный в формулировке Квинтилиана: «Non, ut edam, vivo, sed, ut vivam, edo» (Quint. Inst. IX, 3, 85). В церковнославянском же переводе противопоставление пропадает, и сентенция теряет свой антитетический характер: «Не да ям живу, но живу да ям» (л. 132). Встречаются у Усачева и более отчетливые примеры утраты церковнославянским текстом смысла. Разъясняя дополнительной иллюстрацией ту же фигуру «антиметабола», он берет ее, опять-таки, из «Риторике к Гереннию». Под его пером, здесь явно неловким, латинское изречение «Poëma loquens pictura, pictura tacitum poëma debet esse» (Rhet. Her. IV.XXVIII.39) приобретает следующий вид: «История – глаголющее есть письмо, письмо же молчащее есть история» (л. 132).

Все эти примеры позволяют с достаточным основанием сказать, что церковнославянские риторические трактаты, являющиеся порождением классической риторической традиции и ее отдаленным эхом в воздухе русской культуры XVII – начала XVIII века, с этой классической традицией русскую словесность непосредственно почти не знакомили и ее туда не вводили. Сведения о том, какие авторы составляют данную традицию, каково ее словесное воплощение в текстах разных типов, можно было получить только в латиноязычных риториках. В восточнославянском литературном сознании второй половины XVII – первой трети XVIII столетия классическая традиция была представлена лишь в латиноязычном своем воплощении.

5

«Краткое руководство к красноречию...» М. В. Ломоносова сложившуюся ситуацию полностью и бесповоротно изменило. В нем классическая европейская традиция была явлена не только опосредованно – через форму риторического трактата, – но предстала сама по себе, в прямом своем выражении: как совокупность классических авторов и как череда образцовых примеров, показывающих те качества художественной речи (в разных ее жанровых и стилистических вариантах), которые и дела-

ют автора образцовым и которым следует подражать, стремясь достигнуть показанного в трактате совершенства. И такое достижение для русских авторов, как свидетельствовало «Краткое руководство...», вполне возможно, так как классическая традиция раскрыла себя в нем средствами русского языка, тем самым показав его возможности, не уступающие потенциям основного языка, в пределах которого она жила в течение многих веков в Европе и в облики которого она вошла в русскую культуру, – латыни¹⁶. Более того, ломоносовский трактат стремился продемонстрировать, что и русская словесность (как новолатинская и новые западноевропейские литературы), а не только язык, имеет отношение к классической традиции, что и у словесности уже имеются классические образцы.

Это было достигнуто благодаря некоторой совокупности использованных Ломоносовым стратегий – достаточно различных. Прежде всего, обе плоскости классической традиции – образцовые авторы и необходимые жанры – были продемонстрированы если и не с необходимой полнотой, то почти в достаточном виде. Оговорка касается жанров – некоторые из них действительно охарактеризованы полно, например притча (басня), разные формы литературных разговоров и многие другие; в иных же случаях Ломоносов ограничивается упоминанием и предельно лаконичным указанием на природу жанра, да и то последнее – не всегда. Это, возможно, вызвано предполагаемым намерением Ломоносова написать продолжение «Краткого руководства...» – поэтику, намерением, которое (если оно и вправду у него было) осталось неосуществленным. Однако беглость характеристик, иногда принимающая вид простых перечислений, в некоторой степени искупается примерами, в качестве которых приводятся образцы разных жанров – фрагментарно, а иногда и полностью.

Что же касается авторов, определяющих классическую традицию, то их перечисление едва ли не исчерпывающе¹⁷. Кроме этого, в «Кратком руководстве к красноречию...» иллюстративный материал обладал особой полнотой. Своим количеством (о качестве речь пойдет ниже) он не только несопоставим с

¹⁶ Об идее величия русского языка у Ломоносова говорилось неоднократно и с разной оценочной составляющей. См., как один из возможных примеров: Живов 1996.

¹⁷ Список названных Ломоносовым в «Кратком руководстве...» авторов и количество их упоминаний см.: Западов 1979: 151.

предшествующими риторическими сочинениями на церковно-славянском языке, но ничуть не уступал (а нередко и превосходил) и восточнославянские латиноязычные трактаты, и трактаты западные (см.: Западов 1979: 138–157; Бухаркин 2013: 41–49).

Наконец, – и это, вероятно, самое главное – классическая традиция была представлена как *своя* для русской литературы. Она раскрылась в ломоносовском трактате не как внеположный русскому слову эстетический идеал, который необходимо продемонстрировать в его неположности, т. е. на собственном его языке – латинском, а как образец, восходящий к этому внеположному идеалу, но ныне переводящий его в русское словесное пространство и могущий быть выраженным русским словом.

Пожалуй, два основных обстоятельства делали возможным такой сдвиг. Во-первых, языковая фактура текста – как теоретической его части, так и примеров, что имеет первоочередное значение. Благодаря стилистическому совершенству последних, прежде всего в том случае, если они представляли собою переводы античных авторов, греко-римское наследие оказалось вполне адекватно воплощенным средствами русского языка; оно как бы входит в саму его ткань¹⁸. Более позднее высказывание Ломоносова – «сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке» (Ломоносов 2011: 306) – имплицитно уже присутствует в «Кратком руководстве к красноречию...», а если выразиться точнее – риторический трактат своей стилистической энергией дает основания для только что приведенного пассажа из «Российской грамматики» (1757). Так, Ломоносов с легкостью преодолевает те трудности, перед которыми пасовал, например, М. Усачев. Вызвавшую у Усачева затруднение сентенцию Квинтилиана: «Non, ut edam, vivo, sed, ut vivam, edo» (Quint. Inst. IX, 3, 85), с которой тот не вполне справился (о чем уже шла речь выше) он передает следующим образом: «Не для того живем на свете, чтобы насыщаться, но для того насыщаемся, чтобы жить» (Ломоносов 2011: 220)¹⁹. В ломоносовском переводе отточенное противостояние двух частей данного высказывания полностью сохраняется, причем Ломоносов не стремится копировать стилистическую структуру подлинника (в отличие от Усачева). Это приво-

¹⁸ Пользуюсь, с его любезного разрешения, выразительной формулировкой К. Н. Лемешева.

¹⁹ Данное сопоставление указано мне К. Н. Лемешевым.

дит к очевидным потерям, значительно ослабляет отчетливый параллелизм латинского образца, что связано с утратой звуковых созвучий, столь важных оригиналу. Но взамен приходит естественность словесного выражения идеи, обусловленная, в первую очередь, иным, нежели у Квинтилиана, принципом синтаксической конструкции, отказывающимся от простой имитации, но требующим учета специфики собственного языка. Не робкое копирование чужой языковой формы, а стремление передать суть латинского изречения, сохраняя его гномическое совершенство, сохранить при помощи тех средств, которые наиболее «сродственны» создаваемому им самим новому русскому языку – вот чем руководствовался Ломоносов. Это ему удалось: русский литературный язык в ломоносовском его понимании, одним из первых развернутых манифестаций которого как раз и стало «Краткое руководство к красноречию...», предстал как язык, способный выражать смыслы, соединяющие тех, кто говорит на нем, с европейской культурой и ее колыбелью – культурой античной²⁰. Последняя оборачивалась, также, колыбелью и русской культуры, которая тем самым приобщалась к классической литературной традиции в качестве органичного ее продолжения, новейшей ее части.

6

Таков первый фактор, определивший произведенный Ломоносовым сдвиг. Второй располагался в несколько иной плоскости – плоскости авторитетных авторов. В качестве таковых в «Кратком руководстве ...» приводятся преимущественно античные писатели; если опираться на подсчеты А. В. Западова (1979: 151), то по частотности их упоминаний выстраивается следующий ряд (привожу далеко не все упоминаемые Ломоносовым имена): Цицерон, Вергилий, Овидий, Демосфен, Курций Руф, Сенека Старший, Марциал, Гомер, Плутарх, Лукиан и т. д. Также упоминаются новые европейские авторы (Эразм Роттердамский, Камюэнс и др.) и греческие Святые Отцы (Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин и т. п.). Античные образцы, однако, безусловно преобладают. Во всяком случае, сам Ломоносов считал именно так. Он заблуждался; в глубоко содержательной статье А. А. Костина и С. И. Николаева «Неучтенный источник Риторика Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау)» выяв-

²⁰ Вновь использую выражение К. Н. Лемешева.

лены и западноевропейские источники некоторых стихотворных примеров (Костин, Николаев 2013: 41–53). Но для Ломоносова эти источники оставались скорее всего неизвестными. Во всяком случае, давая в качестве иллюстрации к «замысловатым идеям» (§ 139 главы 7 «О изобретении витиеватых речей» части I «О изобретении») двустишие «Без всякой мы вины...», являющееся сокращением эпиграммы Дж. Оуэна (1564–1622/1628), известного новолатинского английского писателя, он автора не указывает. А в § 133, приводя в пример создания «витиеватых вещей» 6-стишие фламандского новолатинского же поэта Бернарда ван Баухюйсена (1575–1614/1619) «На белых волосах у Аппия зима...», он приписывает ее Марциалу («Пример из Марциала» – Ломоносов 2011: 161). Поэтому не будет излишней смелостью повторить, что для поэтических (а, следовательно, наиболее авторитетных) примеров он выбирал произведения античных авторов, но – как говорилось – с одним исключением. Исключением этим он был сам. И это имело огромное значение – собственные стихи тем самым ставились Ломоносовым в один ряд с поэтами, представляющими классическую традицию.

Причины, подвигнувшие Ломоносова на подобный поступок, не лишенный вызова, хотя и вполне вписывающийся в литературные нравы эпохи, были, очевидно, достаточно разнообразны. Но важнее результат дерзновенного этого поступка. Он состоял в том, что русская уже литература (а не один язык) обнаружила в себе – в творчестве самого Ломоносова – классическое начало; в ней существуют произведения того уровня, что соответствует высшему регистру классического слова и потому она может восприниматься как подлинная (и равноправная с другими европейскими литературами) наследница античности. Русская словесность предстала в ломоносовском сочинении как прямое порождение и развитие словесности греко-римской, а поэтический язык этой литературы – как самый непосредственный наследник языков классической древности, если иметь в виду античную поэзию, то латыни. Он, собственно говоря, и был тем же классическим языком; недаром его посредством в «Кратком руководстве...» заговорила не только «русская камена» (В. Ходасевич), но и поэты римские и греческие. Для обозначения данного грандиозного события наиболее подходит известное выражение Л. В. Пумпянского: «...восторг перед Западом вдруг (взрыв) перешел в восторг перед собой, как западной страной» (Пумпянский 2000: 54).

Внешним выражением подобной позиции стал отказ от параллельных текстов: Ломоносов приводит только переводы примеров, игнорируя оригиналы. Такое решение было достаточно неординарным – и для России, и для Запада²¹. Оно имело и еще одно – и тоже крайне важное – культурное последствие. Благодаря тому, что все литературные иллюстрации давались в «Кратком руководстве...» на русском языке, стиралась грань между двумя основными авторитетными началами, доселе важными русскому сознанию: между античной и святоотеческой традициями, традициями не в смысле перечня имен, но традициями в более глубоком смысле (о котором речь шла в начале работы) – как совокупности образцовых, абсолютно совершенных текстов. Имена, воспринятые от античной традиции, в том числе, имена языческих богов и античных героев как раз могли смовмещаться с библейской и святоотеческой традицией (Живов, Успенский 2002: 461–531). Но вот литературная классическая традиция античного мира у восточных славян с библейско-христианской традицией не корреспондировала.

Как говорилось выше, данная оппозиция предшествующими риторическими трактатами не была снята. Латиноязычные риторика внутри себя данное противоречие снимали, однако они в целом воспринимались – вначале как прямо противостоящие, затем как *чужие* – стержневому началу национальной традиции. Церковнославянские риторика, совершенно напротив, национальному духовному стержню соответствовали, но были не в силах «привить классическую розу» к славянскому «дичку» (В. Ходасевич). Ломоносов же это противоречие снял: благодаря его «Краткому руководству к красноречию...», всё в котором было явлено посредством русского языка – в том числе и литературные иллюстрации разного рода и генезиса, – классическая традиция предстала в единстве своих, ранее неслиянных, начал – греко-римского и святоотеческого; и то, и другое выражалось в ломоносовской Риторике одним языком, причем тем языком, который делал эту единую теперь, благодаря ему, классическую традицию – одновременно классической, т. е. вневременной себе как любой абсолютный идеал, и своей.

²¹ См. об этой проблеме: Бухаркин 2013: 45–47. Интересную параллель к Ломоносову, требующую осмысления, представляет решение А. Д. Кантемира отказаться от латинских оригиналов при подготовке издания переводов посланий Горация. См. об этом начинании: Алексеева 2013: 5–25.

7

Сдвиг в русском литературном сознании, произведенный «Кратким руководством к красноречию...», был чрезвычайно значительным и вызвал далеко идущие культурные последствия. Первым – и, очевидно, важнейшим – из них стало ощущение наличия собственной, русской, составляющей классической традиции. Именно – национальной составляющей классической традиции; последняя (как и прежде) воспринималась как абсолютная сверхнациональная ценность, но ее сверхнациональность не препятствует отдельной литературе внести в нее собственный вклад, приобретающий, тем самым, наднациональную и вневременную ценность, т. е. ценность абсолютную. Русская словесность ныне такой вклад внесла, поэтому и среди русских авторов есть те, что могут быть причислены к разряду классических. Конкретным образом это проявилось в послеломоносовских риторических трактатах; в них в качестве образцовых примеров начинают появляться фрагменты из произведений русских авторов. Ранее такое почти не встречалось, чтобы не сказать – не встречалось вообще. Даже имена русских писателей, за редчайшими исключениями, не упоминались. Показательным здесь является отказ Ломоносова включить в риторический трактат указание на Феофана Прокоповича (см.: Ломоносов 2011: 690–691). После «Краткого руководства к красноречию...» положение меняется, причем первым из оказавшихся классиком авторов стал Ломоносов – между прочим, косвенное свидетельство особой роли, сыгранной его риторикой в процессе, так сказать, русификации классической традиции. Например, в «Кратком руководстве к оратории российской...» Амвросия (Серебренникова) (1778) в 7-й и 8-й ее главах (соответственно «О фигурах вообще и о фигурах речений» и «О фигурах предложений») отрывки из ломоносовских сочинений (преимущественно из од, надписей, панегирической прозы, т. е. «Слов...») приводятся значительно чаще (30 раз), нежели иллюстрации, позаимствованные из других образцовых писателей; для примера, – А. П. Сумароков цитируется 4 раза, Цицерон – тоже 4, Вергилий – 3, Марциал, Эразм Роттердамский, Плиний – по одному и т. д. (Амвросий 1778: 121–150)²². Здесь, так же как и у Ломоносова, русская литература мирно соседствует с

²² Надо иметь в виду, что данный трактат прямо ориентирован на «Краткое руководство...» М. В. Ломоносова и очень во многом от него непосредственно зависим.

римскими и новолатинскими авторами в качестве представительницы классической тенденции; но по сравнению с поворотным в интересующем нас отношении ломоносовским текстом круг русских классических авторов у Амвросия расширен – прежде всего за счет А. П. Сумарокова и митр. Платона (Левшина). И пусть это расширение количественно не очень существенно, но значение его крайне важно, так как свидетельствует о развитии идеи, внесенном ломоносовским поворотом – то, что у Ломоносова было заявлено как возможность, представленная лишь его собственными поэтическими усилиями, в «Риторике» Амвросия получает вид уже начавшей реализовываться потенции, приведшей к появлению пусть и небольшого, но списка собственных классических авторов. Таким образом, классическая традиция начала заявлять о своем функционировании в качестве традиции на русской почве. Дальнейшим результатом этого должно было стать ее расширение. Это и происходит: в риториках самого конца XVIII – первой трети XIX века русский сегмент классической традиции всё расширяется за счет включения в него новых авторов и начинает потеснять античную и западноевропейскую ее части. Некоего предела данное движение достигает в «Общей риторике» Н. Ф. Кошанского (1829): из 16 постоянно цитируемых там авторов, долженствующих своими произведениями показать литературные образцы, только один – Цицерон – относится к той классической традиции, которую русская культура начинала усваивать с середины XVII века. Остальное составляют русские имена.

И здесь возникает вторая важная проблема, в которой можно видеть в известном роде последствие произведенного Ломоносовым переворота: проблема критериев отнесения автора к классической традиции. Пока классическая традиция была внеположна национальной словесности, подобного вопроса не возникало: авторитетные авторы находились в наднациональной риторической традиции, представленной чередой продолжающих друг друга риторических трактатов. Но кого из русских литераторов следует причислить к классикам? Здесь требовалось выработать принципы отбора. Определение таких принципов происходило, безусловно, стихийно и неосознанно, к тому же было лишено последовательности и системности; многое определялось индивидуальными предпочтениями, часто случайными и нелегко объяснимыми, как, например, цитирования в «Общей риторике» Н. Ф. Кошанского М. Н. Баккаревича (1775–

1819, которого, при некоторых его достоинствах, трудно, все же, назвать образцовым автором. И все же основной принцип формирующегося нового подхода ощутить можно; его следует определить как эстетический, что для той эпохи также означало и в некотором роде вкусовой. Писатели начинают причисляться к классическому уровню, исходя из художественного своего совершенства, определяемого создателем риторического труда. Это сдвинуло риторикку в сторону эстетики, предполагающей, кроме других своих задач, и анализ произведений искусства с целями выявления их степени соответствия прекрасному. Подобное проникает и в риторикку, ранее, так сказать, в «чистом» своем варианте такие задачи перед собой не ставившую. Теперь же они могут в риторических трактатах возникать; иногда в них эксплицируются поиски принципов определения иерархического статуса текстов. Так, в «Правилах высшего красноречия» (1792, опубликовано в 1844) М. М. Сперанского производятся достаточно развернутые (если иметь в виду объем книги в целом) анализы Вергилия (фрагмента из IV книги «Георгик», посвященный разлуке Орфея и Эвридики), комедии Теренция, оды Ж.-Б. Руссо «На счастье...» в переводах Ломоносова и Сумарокова, причем в случае Вергилия и Теренция разбирается латинский текст. В риторический трактат, тем самым, начинает входить аналитическое начало, и он приобретает некоторые черты учебника словесности, усиленные разделами, посвященными понятию вкуса (у того же Сперанского ему посвящены 6 глав). Все это начинает размывать риторический трактат, лишая его внутренней четкости и определенности, характерных для предшествующих эпох.

Конечно, деконструирующие строгость риторической теории черты трактатов конца XVIII – начала XIX века прямо не производны от сдвига, осуществленного в русской риторике Ломоносовым. Они от него непосредственно не зависят, а отражают общее движение поздней европейской риторической мысли (имею в виду XVIII столетие); на Западе подобное происходило уже давно. Однако в пределах русской культуры данный процесс в известном смысле все же восходит к Ломоносову; значительно позже, нежели в других европейских литературах, но совершенно блистательным образом он изменил языковую форму классической традиции и, тем самым, ее соотношение с национальной словесностью. Классическая традиция стала органической частью русской литературы – как это было и в

Европе – и русская литература пошла по той же дороге, что и западные ее сестры, в том числе – и по дороге разрушения классической риторики.

Литература

- Аверинцев 1996 – Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Алексеева – Алексеева Н. Ю. Примечания Антиоха Кантемира к «Письмам Горация» // XVIII век. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. СПб., 2013. С. 5–25.
- Амвросий 1778 – Амвросий (Серебрянников). Краткое руководство к оратории российской... М., 1778.
- Аннушкин 2003 – Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М., 2003.
- Аннушкин 2006 – Аннушкин В. И. Первая русская риторика XVII в.: Текст. Перевод. Исследование. 2-е изд. М., 2006.
- Аннушкин, Буланина 1993 – Аннушкин В. И., Буланина Т. В. Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 317–321.
- Буланин 1991 – Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI веков. München, 1991.
- Бухаркин 2013 – Бухаркин П. Е. «Краткое руководство к красноречию...» М. В. Ломоносова: литературный статус и некоторые проблемы филологического изучения // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб., 2013. С. 41–49.
- Вомперский 1988 – Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М., 1988.
- Грабович 1997 – Грабович Гр. Авторство и авторитет у Ивана Вишенского: діалектика відсутності // Грабович Гр. До історії української літератури. Київ, 1997. С. 260–277.
- Живов 1996 – Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Живов 2002 – Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 461–531.
- Западов 1979 – Западов А. В. Поэты XVIII века: М. В. Ломоносов. Г. Р. Державин. М., 1979.
- Кнабе 1999 – Кнабе Г. С. Русская античность. М., 1999.
- Костин, Николаев 2013 – Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник Риторика Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. СПб., 2013. С. 41–53.
- Курціус 2007 – Курціус Е.-Р. Європейська література і латинське середньовіччя. Львів, 2007.
- Лахманн 2001 – Лахманн Р. Демонтаж красноречия. СПб., 2001.

- Либуркин 2000 – Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории XVII – перв. пол. XVIII века. М., 2000.
- Ломоносов 2011 – Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 7. СПб., 2011.
- Маслюк 1983 – Маслюк В. П. Латиномовні поетики і риторики XVII – першій половині XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ, 1983.
- Панофски 1998 – Панофски Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М., 1998.
- Панченко 1973 – Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
- Пиккио 2003 – Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: литература и язык*. М., 2003.
- Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Т. XXXVI. М.; Л., 1981. С. 154–162.
- Пумпянский 2000 – Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000.
- Сивокінь 2001 – Сивокінь Гр. Давні українські поетики. 2-е вид. Харків, 2001.
- Степун 1998 – Степун Ф. А. В. Ф. Комиссаржевская и М. Н. Ермолова // Степун Ф. А. Встречи. М., 1998.
- Трофимук 2013 – Трофимук М. С. Роль античной литературы в формировании теории литературы в Украине XVII–XVIII вв. (на материале курсов словесности Киево-Могилянской Академии) // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб., 2013. С. 166–192.
- Яковенко 2006 – Яковенко Н. Нарис Історії середньовічної та ранньомодерної України. 3-е вид. Київ, 2006.
- Die Makarij – Rhetorik („Knigi sut’ ritoriki dvoji po tonku v voprosech spisanny...“) / Von R. Lachmann. Köln; Wien, 1980 (Slavistische Forschungen. Bd 27/1. Rhetorica slavica. Bd 1).
- Ісіченко 2011 – Ісіченко Ігорь (архиєп.). Історія української літератури: Епоха бароко XVII–XVIII ст. Львів; Київ; Харків, 2011.

P. E. Bukharkin. Lomonosov’s Rhetoric and Classical Tradition in Russian Literature

The article considers Eastern Slavonic rhetorical treatises of the 17th – the beginning of the 19th centuries. The main focus is made on Lomonosov’s Rhetoric and its role in the change of the linguistic code.

Keywords: Lomonosov, rhetoric, classical tradition, treatise, ancient literature, Latin, Church-Slavonic language, Russian language.